

ИСКУССТВО И МИР

ВЫДАЮЩИМСЯ событием нашего времени назвал Никита Сергеевич Хрущев Всемирный конгресс за всеобщее разоружение и мир. Никогда еще ни один международный форум в защиту мира не был столь грандиозным по числу участников и по масштабам стоящих перед ними задач. В широко распахнутом на встречу свету Кремлевском Дворце съездов собрались люди, которых разделяют не только пограничные рубежи. В политике, в религии многие из них отнюдь не единомышленники, и место под солнцем у них не одинаковое. Но сегодня есть на земле великая цель, способная преодолеть все эти различия.

Министр и рабочий, выдающийся ученый и крестьянин, коммунист и беспартийный, атеист и верующий — все они сегодня встали в один ряд, преграждая путь черному облаку атомной войны.

В этом ряду немалое место занимаем мы, деятели искусства. Это нас также имел в виду Никита Сергеевич, когда говорил на конгрессе о значительной роли интеллигенции в борьбе за мир.

Да, мы, художники разных стран и народов, обязаны сказать свое веское слово — прозвучит ли оно в звуках рояля или оркестра, в полотнах живописцев, в танцах балерин, в стихах поэтов, сказать свое «нет!» войне, доказать своим искусством, что человек может и должен быть добр и разумен.

ПОМНЮ в детстве, когда мне случилось вернуться домой после драки с мальчишками, мама мне говорила: «Зачем ты дерешься? Почему надо доказывать свою правоту тумаками? Ты спрячь руки назад и словами постарайся убедить их, что ты права, если правда действительно на твоей стороне...».

Слова мамы помогали не всегда. Но помогали. И чем старше я становилась, тем очевидней была для меня эта простая мудрость. Усвоив ее, я уже никогда не могла понять, почему люди — взрослые, сильные, умные люди! — не могут, «заложив руки назад», «не тумаками», а живой человеческой речью доказать свою правоту или хотя бы найти общий язык. Особенно непонятно это сейчас, когда развитие науки и новые исторические условия, в которых оказалось человечество, позволяют избежать войны и решать все спорные вопросы не физической, а нравственной силой. Сейчас только безумцу не понять, что та война, которую пытаются навязать человечеству империалисты, неизбежно разрушит нечто более важное и существенное, чем нормальное течение жизни. Она разрушит самую жизнь. Уничтожит ее и вместе с ней уничтожит Прекрасное, созданное человеческим гением. И все мы — те, кто служит этому Прекрасному, не можем, не должны допустить, чтобы были разрушены Лувр и галерея Уффици, чтобы горели божественные полотна Леонардо и Боттичелли, Геноборго и Ренуара, чтобы вновь упала бомба на миланский театр «Ла Скала», чтобы недавно лишь от-

строенная опера Венны наполнилась не звуками Моцарта, а скрежетом и лязгом бомбардировки...

Я ВСПОМИНАЮ время гражданской войны, балетную школу, где я училась, где было так холодно, что на стенах классов образовывалась «вечная мерзлота», а свой ежедневный экзерсис «у палки» — экзерсис будущих балерин, призванных обрести «невесомость» и неземную грацию, — мы начинали в теплых платках и валенках...

Я вспоминаю вторую мировую войну и Ленинград, один из красивейших городов нашей планеты, в холоде и голоде блокады, с темными окнами эвакуированных театров. Никогда не забуду, что в мой родной театр имени Кирова попала фашистская бомба, и сквозь разрушенный боковой фасад с площади был виден наш красавец — серебристоголубой зрительный зал, потускневший и замерзший...

Я не могу себе представить, что найдется артист, который скажет: война нужна. Нет, никогда не скажет так настоящий художник — сеятель добра.

Я вспоминаю сейчас свои венские впечатления 17-летней давности — балетную сюиту в постановке Эрики Ханка с прелестной сценой Коломбины и Пьеро: с пантомимой, безупречно разыгранной Эдди Пфиндмауэр и Розалией Хладек... Мне рассказывали, что в дни фашистской оккупации Хладек, эта замечательная актриса, была вынуждена своими чудесными, мягкими, «певучими» руками возить тяжелые бочки с водой для гитлеровцев.

Увидев вновь ее на сцене, я радовалась: как хорошо, что кончилась война и все мы можем, наконец, свободно и спокойно творить.

Никогда не поверю, что артисты Венны предпочтут грохот пушек своему светлому и возвышенному искусству.

Спустя шесть лет, на «Флорентинском мае», я познакомилась с молодыми французскими балеринами Верди и Полейн. Талантливые девушки жаловались на большие трудности своей жизни, но вне этой жизни, вне своего избранного поприща не видели они, как и любая актриса любой страны, смысла своего существования. Мне неизвестно, где сейчас Верди и Полейн. Но я знаю, что если разразится война, им будет худо.

Прошло еще три года. В Германской Демократической Республике я встретила с талантливыми немецкими балетмейстерами Дейзи Шинис и Анной Петерка, с танцовщицами Вальтером Шамс, Ренатой Ветгер и Ритой Забеков. Эльгой Зомеркам и Элеонорой Веско и убедилась в том, что мы единомышленники, когда речь идет о необходимости сохранения мира, как первого и главного условия нашей жизни в искусстве.

НАМ НУЖЕН мир, чтобы жить и творить — эти слова я слышала бесчисленное множество раз на другом конце земли от работников искусства братского Китая, где я имела счастье узнать искусство великого Мэй Лань-фаня, ныне уже покойного, великолепного актера Ли Шау-чуна, актрис Фай Жуй-цзюн и Фу Чуан-сян.

Что можем сделать мы, художники, для того, чтобы сохранить Прекрасное на земле и самую землю? Много. Мы владеем огромной силой воздействия на людей. Нас слушают. На нас смотрят. Нас понимают. Даже когда мы молчим, когда за нас говорит наше творчество.

Известно немало примеров того, как искусство непосредственно служило великому делу мира. Вот один из них — Ленинградская симфония Дмитрия Шостаковича,

Галина УЛАНОВА,
лауреат Ленинской премии.

созданная в блокаде в Ленинграде. И в ней оказалась частичка той великой жизненной силы, которая давала людям «второе дыхание». Они работали и боролись. Они одолевали и свое изнурение, и врага, осаждавшего стены города. Вместе со всем народом — бойцами и рабочими, поэтами и композиторами — ленинградцы выдержали испытание. Прошли годы. И та же симфония, уже облетевшая все материки и страны, вдохновляет балетмейстера: ленинградец Игорь Бельский создает балет на музыку первой части этого произведения. Жизнь музыки продолжается, она претворяется в новые формы, рождает новые мысли...

А разве искусство не та сила, которая способна объединять? Для чего? Конечно же, для света и добра. Ибо настоящее искусство всегда рождено добрыми чувствами. Рождено желанием блага, стремлением сделать человека лучше.

Помню, как вскоре после окончания последней войны я попала в Венгрию. Мосты, виллы, зеленые улицы и аллеи Будапешта были безжалостно изуродованы: фашисты надругались над могилой героя венгерского народа Кошута; красивейшие здания города стояли обугленные или вовсе разрушенные...

Но уже жила музыка. Уже работал оперный театр Будапешта. Во Дворце культуры предместия Чепель на балу в честь советских артистов самодетельный симфонический оркестр рабочих металлообрабатывающих и машиностроительных заводов играл Чайковского. В центре города в импровизированном концертном зале Тито Скипа пел итальянские, испанские и французские арии... А «на бис» он исполнил на русском языке романс Римского-Корсакова «На холмах Грузии»...

Вновь вспоминается мой первый приезд в Китай. Многотысячный стадион подхватывает советскую песню «Москва — Пекин»: ее запел на эстраде русский певец В. Нечаев на китайском языке. Вот он закончил первую строфу — и взвилась в поднебесье бодрая и энергичная мелодия, повторенная тысячеустой аудиторией. Через минуту зазвучал «Ноктюрн» Шумана. На эту романтическую, прозрачную музыку Вахтанг Чабукяни поставил некогда балетный номер, которому китайские зрители дали новое название — «Голубь мира». Здесь сказалась не только необыкновенная поэтичность китайского народа, воспринявшего пластику классического танца кэвзо образы современности, но и его тяга к мирной жизни, братское отношение к советским людям — верным поборникам мира на земле. И эти сегодняшние ассоциации вызвала музыка Шумана, созданная более ста лет назад! Вот еще одно неопровержимое доказательство, что подлинное искусство, полное света, добра, красоты, способно быть современным спустя столетие. Да, способно! Сколько бы ни отрицали этого приверженцы додекафонной, серийной, конкретной и всякой иной музыкальной «моды». По моим наблюдениям, нормальные слушатели во всех странах предпочитают музыку больших чувств и ясных мыслей всему тому жестокому, мертвенному, нарочито уродливому, что выдается некоторыми идеологами буржуазного искусства за последнее слово современности. Не случайно авторы и пропагандисты подобных творений оказываются зачастую в духовном плену у современных проповедников войны. Их «искусство» и пропаганда смерти, уничтожения идут рука об руку.

А настоящая музыка, музыка мира, сближает народы, вызывает

их взаимный интерес, способствует взаимопониманию.

Когда в Риме исполняется симфония Шостаковича, а в Японии гремят аплодисменты на спектаклях «Лебединое озеро» и «Щелкунчик» Чайковского, мы испытываем не только понятную гордость патриотов. Мы счастливы, что русская музыка помогает другим народам лучше понимать, а значит, и больше любить нас. Тем самым наша музыка служит делу мира. Мне, балерине, радостно знать, что японцы отдали дань восхищения «своим собственным» Одетте-Одиллии — Тошико Сайга и Зигфриду — Наото Секи, что в труппе талантливого танцора Масахидо Комаки был поставлен «Петрушка» Стравинского, что балет «Ромео и Джульетта» Прокофьева увидел свет рампы в Париже и Дании, где мои подруги, по профессии, датчанка Мона Вангсо и француженка Лиан Дейде, исполнили партию Джульетты.

ВО ВСЕМ этом радуется меня прежде всего то, что повсюду в человеческих сердцах находят отклик идеи добра, света, правды.

Язык искусства — музыки и балета в особенности — действительно интернационален. Мы в этом убедились давно: когда американский скрипач Иегуду Менухин сразу после войны выступил у нас с концертами, звуки его скрипки не нуждались в переводе; в свою очередь, американцам, восторженным игрой Давида Ойстраха, не требовалось особых пояснений к сочинениям Шостаковича, Хачатуряна или Прокофьева; заокеанских слушателей захватило не только мастерство исполнителя, но и те идеи, которые выражены в музыке советских авторов. Великие, гуманистические идеи!

В канун новых гастролей балета Большого театра в США вспоминаю наше первое посещение Америки три года назад. И тогда главным итогом нашей поездки была победа идей оптимизма, любви к человеку, веры в его необоримую духовную силу — победа того жизненного «тонуса», который сразу же почувствовали американцы в искусстве советского балета.

Вот еще один, казалось бы, совсем незначительный случай. Возле Сан-Франциско, на берегу отдаленной и живописной лагуны есть очаровательное местечко, где живут артисты, художники, музыканты. Мы попали туда в час обеда. В маленьком ресторанчике, простом и уютном, царила удивительно спокойная атмосфера. Когда освободились столики, даже не покрытый скатертью, но очень чистый, мы усадились на простые скамьи и вдруг услышали музыку Глинки. Потом раздалось задорное «Яблочко» Глиэра. Нам объяснили: «Эта музыка звучит в честь того, что нас посетили русские артисты. Но вообще-то мы постоянно слушаем вашу музыку. Слушаем, потому что любим ее, потому что в ней самой так много любви...».

Случайная фраза... Может быть. Но такие слова запоминаются навсегда. В четырнадцати странах Европы, Америки и Азии довелось мне побывать. И повсюду мои впечатления, встречи с людьми, случайно услышанные фразы или долгие беседы с коллегами по искусству подтверждали непреложную истину: людям нужен мир, добро, красота. А раз так — значит необходимо только то искусство, которое служит миру, добру, красоте. Мир и музыка, мир и искусство, мир и человечность сливались в понятие цельное и святое. И мне слышится еще не написанная симфония, видится еще не поставленный балет о победе на земле мира, воцарившегося навсегда.

Агентство печати «Новости».